

ЯЗЫК СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ В СТРУКТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Н.Н. Рухленко

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
ruhlenko@mail.ru*

В статье на примере текстов семейных родословных представлено отражение окружающего человека реального мира, условий жизни народа, его менталитета, национального характера, мироощущения, языковой картины мира. Обозначены композиционные узлы родословных (национальные ценностные ориентации, традиционные предписания, традиции, обычаи), которые формируют образ языковой картины мира, специфичной для русского национального сознания.

Ключевые слова: языковая картина мира, менталитет, родословные, информация, знание, традиции, обычаи.

Человек живет не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности; в значительной мере каждый человек находится под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и кодировки мира. Выражаемые в языке значения складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая усваивается всеми носителями данного языка. Этот способ мировосприятия в известной мере универсален, однако у каждого народа обладает, скажем так, национальной спецификой, и в итоге носители разных языков воспринимают мир по-своему, отличным от носителей других языков способом. Поэтому, на наш взгляд, весьма актуальным является изучение родословного дискурса, на основе которого конструируется ментальное представление носителей языка.

Реальность опосредуется языком, который «пересоздает» ее внутри себя и тем самым творит образ мира, уникальный для конкретного языка и конкретной культуры. Иными словами, язык конструирует реальность.

Язык является путеводителем в «социальной действительности». Именно он проецирует реальность в социум, инсталлируя образ мироздания. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности.

«Реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм социума. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом потому, что языковые нормы общества предполагают данную форму выражения. Принятые нормы употребления слов определяют некоторые формы мышления и поведения, и здесь нельзя не сказать о тех важнейших формах связи, которые возникают между языком, философией, культурологией и психологией. Понятие «языковая картина мира» соединяет области всех этих наук и помогает установить связь между языком и национальными особенностями говорящих на данном языке.

Языковая картина мира – это вообще «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации»¹.

Образ мира, исторически сложившийся у конкретного языкового коллектива, свод представлений о мире, зафиксированный языком, является определенным способом концептуализации мироздания в рамках данного языка.

¹ Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др. – М: Наука, 1988. – 216 с.

Предметом нашего исследования являются различные структуры знания и способы концептуализации окружающего мира, отраженные в языковых единицах и категориях (применительно к данному исследованию – в текстах семейных родословных). Рассматриваемый нами вопрос о функционировании языка семейных родословных в структуре повседневности носит междисциплинарный характер и интегрирует разные области человеческого знания (философские, культурные, психологические, социальные, исторические, антропологические и др.).

В процессе познания человеком мира принимают участие все стороны его психической деятельности – сенсорная, эмотивная и т.д., а также высшие формы ее проявления – мышление и самосознание человека, которые способствуют выявлению признаков, качеств, сторон разных объектов и процессов, в результате чего формируется их целостный образ, или «картина мира». Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. В целом картина мира «может реализоваться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения (например, в языковых текстах, социальных институтах, памятниках материальной культуры и т.д.)»¹, при этом одним из самых сложных является вопрос о том, насколько полно и точно отображается действительность в картине мира. «Картина мира не есть зеркальное отображение мира и не открытое «окно» в мир, а именно картина, то есть интерпретация, акт миропонимания, и ... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение»².

Картина мира существует в нашем сознании, но подчас в «сыром», неоформленном виде. Она не может «отразить окружающий мир во всем его многообразии, целиком и полностью»³, поскольку процесс познания человеком действительности предполагает постепенное накопление знаний, изучение того, что происходит в мире, а это может быть весьма и весьма длительным процессом. Следовательно, картина мира может быть рассмотрена как динамическое образование. Она как бы находится в состоянии постоянного развития и оперативной подвижности, поскольку все время преобразуется под влиянием приходящей извне информации, получаемой по разным каналам и перерабатываемой мыслящим человеком. Как подчеркивают многие исследователи, «при всей своей ориентированности на системность картина мира есть всегда во всех своих деталях незаконченное изображение, не дорисованный до конца эскиз»³. Эта «незаконченность» является результатом действия двух различных процессов: а) результатом **опредмечивания**, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека; б) результатом **созидания**, творения и разработки новых образов мира с опорой на уже имеющиеся. Указанные процессы имеют место и в текстах семейных родословных, когда опредмечивание образов из истории семьи сопровождается подчас неожиданным для самого автора творением новых знаний и образов, приносящих «новое понимание» в известный текст истории семьи, что отражается в особом рода композиционных оборотах речи: *...Теперь я понимаю, что ... Раньше я не догадывалась... Сейчас я бы сравнила...*

После переезда из Таджикистана в Тамбовскую область родители сразу купили двух коров, которых нам с мамой пришлось научиться доить. Хотя раньше я считала, что корова – очень большое и страшное животное, которое просто так к себе не подпустит, на самом деле все оказалось совсем не так, да к тому же молоко было очень вкусным и жирным (Ш.О.).

¹ Иванов В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – С.7.

² Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М: Наука, 1988. – С.55.

³ Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М: Наука, 1988. – С.87.

Картина мира, отраженная в сознании человека, с одной стороны, представляет собой вариативное и изменчивое явление, а с другой стороны, в ней есть общие элементы, обеспечивающие взаимопонимание людей. «Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному»¹.

Картина мира национально специфична, как и язык. А. Вежицкая отмечает, что в языке отражаются не только особенности природных условий или быта, но и своеобразии национального характера его носителей. Наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, которые могут быть лексикализованы во всех языках мира. Автор приходит к выводу, что культурные различия между группами людей основываются на том, как эти понятия используются, а не на наличии некоторых базовых понятий у одной группы и их отсутствии у другой².

На материале семейных родословных это различие в языковых картинах мира проявляется при описании явления **гетерозиса**, то есть скрещивания отдаленных генетически ветвей при межнациональных браках. Для родословных эта тематика не столь частотна (применительно к Белгородской области, откуда родом абсолютное большинство респондентов), но весьма и весьма выразительна.

Я молодой девчонкой после института попала по распределению в Чечню. Вскоре вышла замуж и поняла, если хочу, чтобы меня уважали, надо жить по существующим там законам. Прав у женщин Кавказа гораздо меньше, зато обязанностей больше. Пришли к мужу друзья, я бегу на кухню, а дочка тем временем их обувь моет, чтобы гости от нас уже ушли в чистой. На стол подаю, а сама не сажусь до тех пор, пока старший из сидящих не пригласит. Если решили остаться ночевать, я обязательно должна была носки, рубашку постирать. Не успевает высохнуть, достаю рубашку мужа. Знаю, если мой где задержится, другая женщина его оденет с иголки, завтрак обязательно подаст. Вот так и прожили двадцать лет. И счастливы были.

Язык является выразителем особой национальной ментальности³, которая «накладывает на значение слов определенные коннотации – следы собственных концептов»⁴. Ментальность в понимании лингвистов – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»⁵.

На наш взгляд, говоря о знании как о когнитивном процессе, нельзя не коснуться понятия менталитета как национально специфического способа мышления. Менталитет определяется как «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения»⁶, «специфика сознания изучаемой общности людей»⁷. Среди основных составляющих менталитета, выделенных Е.И. Пассовым, для

¹ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С.350-351.

² Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / Анна Вежицкая; отв. ред. и сост. М.А. Крогнауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

³ Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1998. – С.4.

⁴ Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове: Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2000. – С.55.

⁵ Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – Вып. 2: Язык и время. – С.81.

⁶ Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / Отв. ред Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 135-170.

⁷ Горошко Е.И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины / Е.И. Горошко // Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 186-199.

нашего исследования наиболее значимыми представляются национальные ценностные ориентации, традиции, обычаи, обряды, традиционные предписания¹, достаточно отчетливо представленные в семейных родословных.

Проиллюстрируем указанные параметры по частотности их репрезентаций в исследуемых текстах.

Национальные ценностные ориентации – доброта, трудолюбие, терпение, мужество: *мама умела успокоить каждого; работали от зари до зари, никогда не жаловалась, всю жизнь ждала мужа с войны, оставшись одна с детьми на руках, мама выстояла...*

Традиции, обычаи, обряды – это чаще всего описание праздников, ритуалов. *Каждую субботу мы мылись в бане. И этот день был для нас с сестрой долгожданным. Распткой бани обычно занимался папа, но у мамы тоже все получалось здорово. Папа говорил, что для бани нет ничего лучше березовых дровишек, жар от них тугой, ровный, поленья не трещат, не искрятся и дух в парилке легкий. Мама как-то особенно делала приготовления по поводу пара, она говорила, что пар должен быть легкий и звонкий. Мама запаривала в шайке принесенную в тряпке сухую траву и выливала туда ложку золотистого меда. Осторожно, как на ребенка, плескала все это на раскаленные камни, и сразу пахло душицей, майской пасекой и ублажающим душу чабрецом. После бани, по старой традиции, мы заваривали чай на травах и, сидя все вместе, предавались воспоминаниям.*

Традиционные предписания – это, например, запрет на работу в воскресенье, замужняя женщина после свадьбы неделю не должна ходить за водой, нельзя купаться по понедельникам, грех стирать в пятницу.

Разумеется, информация такого типа не всегда соответствует идеалу, и, наряду с позитивом, говорящие уделяют внимание и негативу в жизни семьи, **отрицательным чертам характера того или иного члена семьи**: любил выпить, не хотел работать, мог ударить, изменял. Значительно реже встречаются сведения о суициде (приблизительно один случай на 100 текстов). Мы допускаем, что открытость текста оставляет «закрытыми» для его адресата (читателя, исследователя) некоторые «более темные» стороны жизни семьи.

Все вышеперечисленные композиционные узлы родословных (национальные ценностные ориентации, традиционные предписания, традиции, обычаи) не только работают на сюжетодвижение и обрисовку характеров, но в своей совокупности формируют образ языковой картины мира, специфичной для русского национального сознания.

В текстах семейных родословных отображается не только окружающий человека реальный мир и в целом условия жизни народа («палочки» – о трудоднях, невозможность получить собственный паспорт, раскулачивание, нехватка одежды и пр.), но и менталитет, национальный характер, мироощущение, видение мира.

Ментальные репрезентации не даны человеку изначально, часть из них формируется в процессе социализации, когда субъект усваивает разнообразные стереотипные ситуации, другая часть может образовываться в результате творческого воображения субъекта, расширение их происходит одновременно с обогащением его духовного мира².

Анализ текстов семейных родословных позволяет вскрыть своеобразие процесса прохождения основных операций сознания: восприятия, категоризации, хранения и воспроизведения информации, которые открывают нам доступ к «ненаблюдаемому когнитивному миру человека» (Е.С. Кубрякова), структурам его сознания. Исследования языковых феноменов демонстрируют переход от категории информации к **кате-**

¹ Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты / Е.И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – №2. – С. 54-59.

² Нишанов В.К. Когнитивный подход к проблеме понимания / В.К. Нишанов // Когнитивные аспекты научной рациональности: сб. науч. тр. – Фрунзе, 1989. – С. 22-33.

гории знания. Языковые знания – это компонент наивной картины мира данного этноса, закодированный в системе языка¹.

Категория знания тесно связана с понятием **когниции**. Когниция – это рассмотрение набора знаний и мнений вместе с их связями; им могут быть приписаны соответствующие репрезентации; это «аспекты познания, связанные с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний»². В приведенном далее примере «набор знаний» касается, в частности, проекции свадеб на определенное время года с учетом религиозных канонов. Фрагмент иллюстрирует процесс приобретения, хранения и передачи знания на протяжении ряда поколений: *В 1887 году прадед женился на прабабушке. Надо сказать, что браки заключались в определенную пору года: никогда не играли свадьбы во время постов, исключались и в мае. Перед поездкой в церковь жениха и невесту сажали на мех, затем их осыпали хмелем, зерном с деньгами, после чего богоявленской свечой зажигались брачные свечи. В церковь возили свою посуду и хлебное вино, которое священник трижды давал испить жениху и невесте. На третий раз жених бросал посуду и топтал ее ногами. Затем брачные свечи слеплялись, их ставили в головах постели новобрачных в кадку с пшеницей. Место, где надлежало спать молодым, называлось сенник. Поутру члены свадьбы являлись в сенник, поднимали одеяло и определяли непорочность невесты.*

Совокупность знаний, которые накапливаются относительно вычленимой словом вещи в обществе, обязаны разделять все члены общества, чтобы без особых затруднений общаться друг с другом. Это знание во всей его совокупности не фиксируется никакими языковыми единицами и получает свое не полное, а эпизодическое выражение в отдельных высказываниях³.

Способы представления знания в рамках когнитивного подхода зависят прежде всего от материала исследования. Материалом для концептуального анализа могут служить философские контексты, контексты определенной тематики и свободно отобранные обширные контексты. Исследуемые нами тексты семейных родословных относятся ко второму типу контекстов, то есть контекстам определенной тематики, но вместе с тем имеют и некоторые характеристики свободно отобранных обширных контекстов.

Решающая роль в текстах семейных родословных отведена **прошлым знаниям**, на основе которых ведется когнитивная обработка родословного дискурса и конструируется его ментальное представление. Форма прошлого опыта – основная форма существования знания в интеллекте человека. Знанием является такой опыт, который в достаточной степени осмыслен и включен в какие-то связи и отношения с другими элементами⁴.

У прадедушки и прабабушки родилось трое детей: Анна, Антонина, Григорий. По наступлении родов женщина прощалась с домочадцами и оставалась только с бабушкой-повитухой. Для облегчения страданий развязывали все узлы на одежде и расплетали косу, отпирали в доме все замки и ящики, зажигали венчальные свечи перед образами, а мужа заставляли бороться с песком.

¹ Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманитар. ун-т, под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 80-117.

² Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров / [Редкол.: Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова и др.]. – М., 1992. – С. 39-77.

³ Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М.: Прогресс, 1981. – Выпуск X: Лингвистическая семантика. – С. 5-32.

⁴ Новиков А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / Отв. ред. Ю.Н. Марчук, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – С. 58-103.

При рождении девочки воду после первого купания выливали в малинник (для красоты), после купания мальчика вода выливалась на перекресток дорог – на счастье. Ребенка перво-наперво передавали отцу, который сам клал его в люльку и как бы прилюдно признавал своим. Имя ребенку выбирали родители, но был и такой обычай – выходить за ворота и спрашивать имя первого встречного, чтобы потом так же назвать новорожденного. Прадед и прабабушка детям дали двойные имена, чтобы недобрый человек не мог сглазить и чтобы у ребенка был свой покровитель.

Исследуя семейные родословные, мы сталкиваемся с фрагментами текстов, много раз пересказанными в кругу семьи, отражающими прошлый опыт и как бы «законсервированными» в своем речевом исполнении в отличие от свидетельств последних лет, о которых говорящему подчас нечего писать (кроме того, что история продолжается...). Наблюдается зависимость степени отшлифованности материала от степени его временной удаленности. Более того, прошлый опыт приобретает для автора текста особую значимость и большую ценность, нежели «настоящее», которому он является непосредственным свидетелем. *На работу и с работы ходили (дедушки и бабушки, родители) с песнями, танцевали босыми ногами в пыли под гармошку, забывая о голоде, жили дружно, помогали друг дружке. – Мы же приходим с работы и сразу дверь на замок, все стали какие-то злые, завистливые. Боюсь, что детям уже не будет так же интересно писать о нашей жизни, как нам о своих предках.*

Говоря о проблеме хранения знания, Е.С. Кубрякова обращается к понятию лексикона, то есть **словесной памяти**. Знать объект – значит уметь выделить его, поместить в структуру деятельности, поэтому Е.С. Кубрякова постулирует наличие памяти событий, памяти схем действий с объектом, памяти, которая объединяет вещи типами действий¹. См. в вышеприведенном примере: *после купания мальчика вода выливалась на перекресток дорог – на счастье* (память схемы действия с объектом).

Процесс хранения информации в значительной степени детерминирован процессом категоризации и кодирования информации: детализированное, семантически осмысленное кодирование событий и хранение их в развитых и легкодоступных структурах обеспечивает высокую степень запоминания. В свою очередь «поисковый стимул эффективен, если частично совпадает с закодированным в памяти эпизодом»². Хранение информации непосредственно осуществляется благодаря эпизодической (событийной, или ситуативной) и семантической памяти. Эпизодическая память способствует пониманию непосредственно воспринимаемой информации, поддерживая ее в активном состоянии в течение определенного промежутка времени. Семантическая память позволяет структурировать определенным образом значимую для человека информацию, постепенно пополняя систему хранения знаний о мире и языке.

Процесс воспроизведения информации в значительной степени **детерминирован процессом ее хранения**. Любое явление или событие, представленное в текстах семейных родословных, как правило, обуславливается социально-историческими факторами, учитывающими особенности и состояние общества в разные периоды времени, и личностно-психологическими факторами, представленными индивидуально-личностными чертами субъекта. Именно в рамках двухкоординатной системы удастся приблизиться к реальному пониманию событий, происходящих в истории конкретного рода, и строить адекватную, работающую модель концепта СЕМЬЯ.

Проанализировав тексты родословных, мы можем утверждать, что, приступая к исследованию истории своего рода и воспроизведению собранной информации, авторы далеко не всегда воссоздают целостную историю жизни личности, чаще всего рас-

¹ Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 82-112.

² Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. / Сост., ред, вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып XXIII: Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. и франц. – С. 52-92.

сказывая о тех переживаниях, интересах, взаимоотношениях, мотивах субъекта, которые тесно переплетены с событиями, отобранными рассказчиком по степени важности. Психологические исследования показали: чем крепче связано событие с другими событиями, чем чаще является их причиной или следствием, целью или средством, тем сильнее вплетено оно в ткань жизни, тем важнее¹. В повседневной жизни осознание всех существующих связей – весьма сложный процесс: одни из них – неактуальны, другие – нежеланны, некоторые – еще слишком слабы, чтобы обращать на них внимание. В связи с этим при воспроизведении информации большую роль играет субъективность автора в представлении истории рода. Однако, несмотря на то, что результат осознания человеком прошлого, настоящего и возможного будущего своей семьи является субъективным, важно, что он подлинен и представляет собой жизненный замысел субъекта жизнедеятельности. В связи с этим нам важно рассмотреть «не точность познания, а глубину проникновения... – необходимость добратся, углубиться до творческого ядра личности»².

Событиями, представленными в семейных родословных, могут стать любые перемены во внешнем и внутреннем мире, так или иначе связанные с семьей рассказчика: политические перестройки, отразившиеся на судьбе поколений рода, личные взлеты и падения, встречи и разлуки, влюбленности и разочарования, болезни, успехи и неудачи детей, близких, друзей и т.д.

Понятие желанное/нежеланное событие возникает в связи с проблемой гармонизации внутреннего мира личности, которая заключается в принятии человеком как позитивной, так и негативной информации о семье, возникающей на фоне социально значимых стрессовых, конфликтных событий. Как правило, негативный опыт и информация (предательство близких, развод родителей, измена, самоубийство и т.д.) не принимаются рассказчиком и не всегда включаются в исследование истории рода. *Я не хочу ничего рассказывать о своем отце, так как в январе 2000 года мои родители развелись.* Если же автор способен принять как позитивную, так и негативную информацию, то он воссоздает жизнь такой, какая она есть, в результате чего происходит открытость внутреннего мира одного субъекта другому: автор не скрывает негативной информации, включая ее в исследование истории рода.

Особо следует отметить процесс воспроизведения личностью истории рода через психологическую реконструкцию системы причинных и целевых связей между жизненными событиями, свойствами личности, значимыми для нее людьми.

Большое значение при воспроизведении истории рода имеет и **«воображаемая перспектива»**, в которой автор, оценивая жизнь предков, пытается контурно обрисовать свою жизнь на несколько лет вперед. *Пройдут годы, и, быть может, мои потомки захотят написать историю уже моей жизни. А пока впереди меня ждет неизвестность.*

Учитывая индивидуально-личностные черты субъекта, следует обращать внимание на возраст автора истории рода. Чем старше рассказчик, тем более многослойна субъективная картина мира, которая в свою очередь выполняет функции долговременной регуляции и согласования жизненных замыслов и поступков человека с замыслами и поступками других людей.

Многослойность субъективной картины мира детерминирована сложными процессами развития, проходящими под воздействием внутренних и внешних факторов, модифицирующих уже имеющиеся состояния и накладывающихся друг на друга. Интеллект взрослого человека в отличие от интеллекта ребенка, подростка в силу различных причин (образования, опыта, профессии и т.п.) способен к самостоятельной реконструкции, т.е. к перераспределению и использованию ранее приобретенной ин-

¹ Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 208 с.

² Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст: литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 203-212.

формации под другим углом зрения. В итоге мы работаем с вторичным материалом, уже прошедшим **через определенный фильтр** и так или иначе истолкованным.

В целом тексты семейных родословных позволяют исследовать не только внешний, поверхностный уровень языковой семантики, но обратиться также к уровню ментальных репрезентаций, что помогает вскрыть внутреннее содержание и своеобразие «мыслительного мира», являющегося тем микрокосмосом, который каждый человек несет в себе и с помощью которого он пытается понять и измерить окружающую действительность.

Язык семейных родословных реагирует на все изменения и нововведения, которые происходят в социуме, и в полной мере отражает массовое мышление. Языковая (наивная) картина мира предстает как синхронное соединение разновременных восприятий и толкований, «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многогранного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум»¹. Тексты семейных родословных отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст: литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 203-212.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / Анна Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Крюгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
4. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 208 с.
5. Горошко Е.И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины / Е.И. Горошко // Языковое сознание: формирование и функционирование / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 186-199.
6. Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний: сб. научно-аналитических обзоров / [Редкол.: Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова и др.]. – М., 1992. – С. 39-77.
7. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. – М.: Прогресс, 1981. – Выпуск X: Лингвистическая семантика. – С. 5-32.
8. Иванов В.В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965.
9. Колесов В.В. Древняя Русь: Наследие в слове: Мир человека / В.В. Колесов. – СПб.: Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2000. – 326 с.
10. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – Вып. 2: Язык и время. – 368 с.
11. Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблема внутреннего лексикона / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Отв. ред. Е.С. Кубрякова, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 82-112.
12. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1998. – 207 с.
13. Нишанов В.К. Когнитивный подход к проблеме понимания / В.К. Нишанов // Когнитивные аспекты научной рациональности: сб. науч. тр. – Фрунзе, 1989. – С. 22-33.

¹ Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-17.

14. Новиков А.И. Знание в системах общения / А.И. Новиков // Лингвистическая прагматика и проблемы общения с ЭВМ / Отв. ред. Ю.Н. Марчук, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1989. – С. 58-103.
15. Пассов Е.И. Диалог культур: социальный и образовательный аспекты / Е.И. Пассов // Мир русского слова. – 2001. – №2. – С. 54-59.
16. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
17. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
18. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
19. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / Отв. ред Н.В. Уфимцева. – М., 1998. – С. 135-170.
20. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. статей. / Сост., ред, вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып XXIII: Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. и франц. – С. 52-92.
21. Фрумкина Р.М. Концепт: попытка эпистемологического анализа термина / Р.М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания РАН, Рос. гос. гуманит.ун-т, под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманит.ун-т, 1995. – С. 80-117.
22. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – №1. – С. 3-17.

LANGUAGE OF FAMILY GENEALOGY IN THE STRUCTURE OF EVERYDAY LIFE

N.N. Rukhlenko

Belgorod State University

e-mail: ruhlenko@mail.ru

The article examines how family genealogies texts reflect the real world, conditions of people's life, their mentality, national character, and perception of the reality and language picture of the world. The author describes compositional knots of genealogies (national value orientations, traditional prescriptions, traditions, and customs) which construct the image of the Russian cultural specific language picture of the world.

Key words: language picture of the world, mentality, genealogy, information, knowledge, tradition, customs.